

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук

Национальная металлургическая академия Украины

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ДОЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УНИВЕРСУМНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Продолжаем публикацию серии материалов¹ об институциональной эволюции в универсумном контексте. Если ранее речь шла преимущественно о её общих тенденциях, то в данной статье – о некоторых особенностях институциональной эволюции различных доцивилизационных универсумных образований.

Об универсумных образованиях

Неолитическая революция – принципиально значимая эпоха в истории человеческой цивилизации. Но в свете сосуществующих различных смыслов понятия "цивилизация" характеристика "цивилизационности" неолитической революции может быть весьма плюралистичной. Ограничимся тремя основными смыслами, на которые обращает внимание В.Степин². Один из них обозначает совокупность достижений человека, которые характеризуют его выделение из животного мира и восхождение по ступеням социального развития. В этом значении неолитическое усложнение и расширение "второй", искусственной или рукотворной природы – мира созданных человеком предметов и процессов, непосредственно окружающего его и обеспечивающего его выживание в "первой" природе, – безусловно, являются *цивилизационными* достижениями. Следовательно, неолитическая революция предстает в качестве *важного этапа цивилизационного прогресса*.

В соответствии со *вторым* смыслом понятия "цивилизация" – культура и цивилизация противоположны. Под цивилизацией понимаются технологические и технические изобретения, а под культурой – базисные ценности и состояния духовного мира человека. Цивилизация и культура не совпадают, поскольку прогресс в технике и технологии не приводит автоматически к моральному прогрессу, а иногда даже связан с моральным регрессом. По справедливому замечанию В.Степина, такое противопоставление уместно только в очень узких рамках, например, когда обсуждаются проблемы кризиса современной цивилизации и, соответственно, современной культуры. Подлинно цивилизованное общество как раз и отличается способностью поддерживать техно-гуманитарно-экологический баланс и не допускать дегуманизации технического прогресса. В рассматриваемом смысле, с одной стороны, неолитические достижения выглядят значительно более глубокими и масштабными, чем технологические, понимаемые как цивилизационные, а с другой – неолитические человеческие общности ещё далеки от техно-гуманитарных институтов и стандартов цивилизации.

¹ См.: Тарасевич В. Институциональная теория: методологические поиски и гипотезы // Экономическая теория. – 2004. – № 2. – С. 48–60; Институциональная эволюция: от инстинктов к протоинститутам // Экономическая теория. – 2005. – № 1. – С. 51–66; Институциональная эволюция: от протоинститутов – к институтам // Экономическая теория. – 2005. – № 1. – С. 64–79.

² См.: Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16–17.

Третье значение понятия "цивилизация" характеризует особый тип общества, возникающий в процессе перехода от первобытного состояния к первым сельским и городским цивилизациям древности. В основе этого понимания – целостное системное видение общества с особенностями его культуры, её базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типов личностей и образа жизни, которые воспроизводятся в процессе существования цивилизации. Цивилизация воспринимается как особый социальный организм, который характеризуется спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурной традиции. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры, и только благодаря этому типу культуры она и воспроизводится. С позиций такого подхода очевиден *предцивилизационный* характер неолитической эпохи и адекватных ей человеческих общностей. Неолит не рождает цивилизацию, но обеспечивает ее зачатие.

Итак, цивилизация как особый тип общества возникает не внезапно. Однако уловить исторический *момент* рождения цивилизации достаточно трудно, и не только потому, что падающие на него тени многих веков образуют трудно проницаемую тьму. К примеру, уже предложено великое множество характерных особенностей цивилизации, но большинство из них "страдает" размытостью, неконкретностью. Так, известное определение А.Тойнби "Цивилизации – это целостности, части которых согласованы друг с другом и взаимозависимы..."³ вполне применимо, например, к племени. Целостным социальным организмом, предполагающим определённый тип культуры (В.Степин), может быть не только цивилизация, но и, вероятно, моноэтническая страна. Подобным образом, "наднациональными культурными общностями" (О.Шпенглер), "культурными единицами, способными в течение исторически длительного времени особым образом интегрировать разные, порой несхожие и в духовном, и в генетическом плане народы"⁴, являлись, как свидетельствует история, не только цивилизации, но и империи, суперэтноты.

Размытость, нечёткость понятия "цивилизация" – лишь одна из проблем, с которыми сталкивается исследователь, отдающий предпочтение цивилизационному дискурсу. Так, предложение рассматривать цивилизации в качестве основной типологической (или же различающей) единицы истории⁵ явно недооценивает факт *историчности* самих цивилизаций. С одной стороны, они возникают на вполне определенном этапе эволюции человечества (условно он может быть обозначен как постплеменная). С другой стороны, реальные основания имеет вывод М.Чешкова о том, что в современной фазе трансформации глобальной человеческой общности цивилизация как форма социально отчуждающего способа организации человечества и неизбежный спутник доминанты социального начала перемещается с уровня планетарного на уровень региональный в виде различных культурно-исторических ареалов и в этом смысле уходит из истории вообще, открывая эру постцивилизационной истории⁶.

С проблемой историчности понятия "цивилизация", неединственности цивилизации как типологической единицы истории тесно коррелирует и проблема неединственности цивилизации как *особой человеческой общности*. Эта последняя проблема естественным образом обостряется вместе с ростом количества исследуемых видов человеческих общностей –

³ Цит. по: Егоров В.К. Культура и "цивилизационные единицы" истории // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции, Москва, 15–16 мая 2001 г. – М., 2001. – С. 30.

⁴ См.: Аванесова Г.А. Современные подходы к изучению и сравнительному анализу цивилизаций. – Там же. – С. 63.

⁵ См.: Там же. – С. 29.

⁶ См.: Чешков М.А. Глобальная общность, развивающийся мир и проблема межцивилизационности. – Там же. – С. 148–149.

мир-экономика, геоэкономический ареал, континентально-океаническая связка, тип цивилизационного развития, глобальная общность и т. п. Конечно, сама цивилизация в этом ряду пока не теряется, но её былой "блеск" несомненно меркнет.

На мой взгляд, вышеперечисленные проблемы предваряют и известным образом отражают базовую проблему гносеологизации и аксиологизации онтологии Нового времени. О чем идет речь? Судя по преобладающим характеристикам цивилизаций, позиционирование цивилизации как *человеческой* общности в явном или неявном виде опирается на постулаты субстанциональности человека по отношению к природе, покорения природы, природы как средства удовлетворения потребностей и объекта приложения сил человека. Здесь излишне доказывать, что подобный подход исчерпал себя и достиг исторических пределов. В современных условиях важно гносеологизировать и аксиологизировать онтологию *включенности человека в окружающий мир* периода генезиса первых цивилизаций и единства человека и природы, *природо-человеческой целостности*, императивной для выживания и прогресса человечества в третьем тысячелетии новой эры. Онтологический опыт истории должен быть диалектически снят на новом витке эволюционной спирали. Его квинтэссенцией является рассмотрение и воспроизведение не столько человеческой общности с её взаимосвязями с природой, сколько **универсумной общности человека и природы**, единства этих равно- и взаимощенных составляющих универсума. Выражаясь математическим языком, человек и природа должны рассматриваться по отношению друг к другу не как экзогенные, а как эндогенные детерминанты и переменные.

Универсум рождается и эволюционирует вместе с человеком. Но в донеолитическую эпоху, когда природная составляющая универсума подавляющая, а человеческая – искусственно-природная – исчезающе мала, он пребывает как бы в потенциальном состоянии, неразличимом для самого себя и для человека. Неолитическая революция актуализирует универсум. Формируя искусственные биоценозы, человек всё в большей мере ощущает себя отличным от природы, а вместе с этим – неоднородность и разнокачественность и свою собственную, и окружающей его природы. Вполне вероятно, что он ещё не осознает взаимосвязей, взаимодействия, взаимодействия неоднородностей, разнокачественностей человека и природы. Но с современных научных высот эти взаимосвязи и взаимодействия уже очевидны, поскольку доказаны.

Следовательно, самого человека, различные человеческие общности необходимо рассматривать как особые **универсумные образования (унобры)**, которые определенным образом институционализированы, эволюционируют, взаимодействуют, в том числе "перетекают" друг в друга, и в этом историческом движении образуют сверхсложные природо-человекоразмерные системы.

Например, такие *гигаунобры*, как типы эволюции человечества, объединяют сходные цивилизации (*мегаунобры*). Отдельные цивилизации, в свою очередь, объединяют *макроунобры* – суперэтноты, страны. В этой достаточно условной иерархии в качестве *мезоунобров* могут рассматриваться, например, регионы и этносы, в качестве *микроунобров* – община, племя, а *наноуниверсумный* уровень может быть представлен семьей и отдельным человеком. Таким образом, *цивилизация является особым универсумным образованием*. Особым, но одним из многих унобров. Поэтому объективно цивилизационный процесс является одним из видов и одной из составляющих универсумной эволюции, а цивилизации целесообразно изучать, в том числе, в ряду и контексте иных взаимодействующих и эволюционирующих унобров.

О полилинейности доцивилизационной эволюции

Поскольку неолитический "излом" обнажил еще один пласт институциональной эволюции – её полилинейность и неравномерность, то ис-

следовательская задача усложняется: наряду с имманентным ей общим (на чем акцентировалось внимание в предыдущих статьях), необходимо понять специфику ее различных исторических линий, представленных, в частности, разными общинами, племенами, цивилизациями, особыми типами эволюции человечества (срединным, восточным и западным)⁷.

Направив неолитический "прожектор" в глубь тысячелетий верхнего палеолита и воспользовавшись характером опредмечивания-очеловечивания как критерием, обнаруживаем по крайней мере три последовательно-параллельно сосуществующие *линии эволюции* присваивающего хозяйства⁸: первая (1) представлена унобрами собирателей зоны тропических лесов и водоемов, вторая (2) – коллективных охотников открытых ландшафтов, третья (3) – собирателей и охотников преимущественно закрытых ландшафтов. Их объединяет природная предопределенность протоинститутов и паттернов опредмечивания-очеловечивания.

Она практически абсолютна для унобров (1), ибо человек еще пребывает в лоне матери-природы. Преддеятельностные паттерны здесь примитивны, протоинституты не достигают тотемических форм очеловечивания, а неустойчивая община не выходит за пределы протосоциальности. Подобное состояние характерно для большинства унобров (1) и в нынешнем тысячелетии.

Иные природные условия диктовали унобрам (2) и (3) более сложные формы антропо- и институтогенеза. Доминирующие в унобрах (2) преддеятельностные паттерны опредмечивания и очеловечивания дополняются в верхнем палеолите паттернами собственно деятельности (свидетельством чему является, например, изготовление копий с каменным наконечником и многочисленных микролитов для разделки туш убитых животных). Утверждается естественное разделение преддеятельности – деятельности между группами мужчин и женщин и внутри этих групп. Коллективному характеру охоты соответствует примитивная протокооперация и выдвигание наиболее умелых охотников на роль лидеров – "управленцев".

Взаимодействие и сочетание развитой преддеятельности и развивающейся собственно деятельности; примитивного коллективизма общины, лидерства отдельных охотников и их групп, а также нуклеарных семей, формирующихся на основе межобщинного обмена женщинами, является по своей природе **интеграционно-срединным** и в решающей степени обеспечивается адекватными протоинститутами (ритуалами, культами, табу, тотемами), находящимися в известной гармонии с природно-экологическими стандартами. В то же время доминирование общины над семьей, лидерствующих групп охотников – над общиной, а коллективной охоты – над преимущественно индивидуальным изготовлением орудий свидетельствует о наличии в преобладающей срединности *протовосточных* черт. В постледниковый период унобры (2) мигрируют на север вслед за крупным зверем. Их значительная часть подчиняется арктическому природному циклу и сохраняет неизменным подобный гомеостаз на протяжении тысячелетий.

Дальнейшая поступательная эволюция человечества небезосновательно связывается с унобрами (3) охотников и собирателей преимущественно закрытых ландшафтов (лесных, прибрежных и предгорных) умеренно субтропической полосы Средиземноморья, Средней Азии, а также Южной Европы и Дальнего Востока. Диктуемому природными стандартами преимущественно индивидуальному и мелкогрупповому характеру

⁷ В дальнейшем изложении современное понимание указанных типов будет исполнять роль необходимой гносеологической предпосылки.

⁸ В нижеследующей исторической реконструкции главных линий доцивилизационной эволюции использованы результаты фундаментальных исследований Ю.Павленко (см.: Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: Соціокультурний розвиток людства: Навч. посіб. – К., 1996. – С. 179–252).

охоты и собирательства соответствует большее, чем в унобрах (2), разнообразие индивидуальных орудий, сосуществующих преддеятельностных и деятельностных паттернов и прединститутов. Здесь значительно выше удельный вес и значимость собственно деятельности, а также индивидуальных усилий отдельных членов общины; естественное разделение преддеятельности и деятельности проникает в семью. Коллективно-индивидуальное присвоение земли дополняется личным присвоением орудий. Протоинституты реципрокции предполагают не только уравнилельное распределение, но и вознаграждение наиболее умелых охотников.

Изложенное убеждает в большей дифференциации, а, следовательно, и более интенсивной интеграции унобров (3), которая обеспечивается более разветвленными прото- и прединститутами. Явно выраженная *прото-западная* индивидуализация органически вплетена в *доминантную ткань срединности*, интегрирующей коллективное и индивидуальное начала в опредмечивании-очеловечивании, присвоении, распределении, а также в протоинституциональной универсумике. Именно совместимость последней с упомянутыми природными стандартами, с одной стороны, и продвинутость прединституциональных форм упорядочения – с другой, обеспечили унобрам (3) большую жизнеспособность в новых постледниковых природно-климатических условиях, достижение ими наиболее развитых форм присваивающего хозяйства (унобры (3.1) высших собирателей, охотников и рыболовов) и на этой основе несколько позже – первичных форм воспроизводящего хозяйства (унобры (3.2) ранних земледельцев и скотоводов).

Постепенная трансформация унобров (3) в (3.1) связана с дальнейшим усложнением субстанциональных характеристик первых и освоением рыболовства в рамках последних. В Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Передней и Средней Азии эти процессы были заметно интенсивнее, чем в западно-средиземноморской и южно-европейской полосе, в силу аридизации и значительного сокращения территорий традиционного собирательства и охоты, а потому – жизненной необходимости использования естественного пищевого потенциала водоемов. Развитие рыболовства означает не просто усовершенствование и умножение видов преддеятельности, появление нового класса собственно деятельностных паттернов ("ответственных" за изготовление специализированных орудий рыболовства) и рост вследствие этого значимости собственно деятельности. Элементы осознания появляются в разделении преддеятельности и собственно деятельности, расширении и модификации тотема, культов, ритуалов, обнаживших пределы протоинституционального упорядочения усложнившейся родовой организации унобров. Рыболовство обеспечивает адекватные предпосылки для перехода к *оседлому* образу жизни и переориентации значительной части усилий с внешней экспансии унобров на их внутреннее обустройство, самоорганизацию.

В присваивающем хозяйстве, даже в совершенстве овладевшим собирательством, охотой и рыболовством, практически исчерпывается потенциал экспансии и усложнения преддеятельностных паттернов, а также наличных форм движения противоречия между ними и деятельностными паттернами изготовления орудий. Это свидетельствует о готовности собственно деятельности к выходу за "орудийные" пределы, преобразованию собирательства, охоты и рыболовства на принципиально новых началах и формированию пионерных сфер социочеловечивания и естественноопредмечивания. Создание искусственных биоценозов становится делом времени.

В Европе специализированное рыболовство и стационарные поселения появляются на одно-два тысячелетия позже, чем в субтропическом Средиземноморье и Средней Азии. Но это не изменило экстенсивный характер территориальной экспансии унобров (3.1) в глубь Европы, Сибирь и на Дальний Восток. Природа "позволила" им органично вписаться в соот-

ветствующие биоценозы, поскольку её просторы и возможности были вполне достаточны для поддержания равновесия между количеством людей и пищевым потенциалом. В этих условиях упомянутые пределы присваивающего хозяйства не заявляют о себе столь остро, как на Востоке, а известные преимущества протозападной срединности актуализируются лишь отчасти, пребывая, главным образом, в латентном состоянии.

Итак, *географически и темпорально* неолитическая революция – феномен прежде восточный, а уж затем – западный. Именно на Востоке демографический прессинг и закономерное исчерпание естественных ресурсов собирательства, охоты и рыболовства ускорили переход к раннему земледелию и скотоводству. Но *содержательно* неолитические сдвиги являются в решающей степени *срединными*, а не сугубо восточными или западными. Прежде всего, они стали возможными только в наиболее развитых и *субстанционально срединных* унобрах (3.1) и вполне могут быть интерпретированы как результат синергии, интеграции упомянутых выше индивидуальных и коллективных начал в донеолитическом определении-очеловечивании, присвоении, распределении и протоинституциональной универсумике.

Именно в унобрах (3.1), а не за их пределами, происходит трансляция собственно деятельностных паттернов изготовления орудий на собирательство и охоту и их (паттернов) адаптационная трансформация, которая влечет за собой соответствующую трансформацию собирательства и охоты в направлении земледелия и скотоводства, с одной стороны, а с другой, – стимулирует вызревание "собственных" паттернов земледелия и скотоводства. Длительное время паттерны присваивающего хозяйства (паттерны-"п") и воспроизводящего хозяйства (паттерны-"в") и соответствующие протоинституты сосуществуют, не столько исключая, сколько дополняя друг друга. Унобры (3.1) превращаются в унобры (3.2) ранних земледельцев и скотоводов, как только паттерны-"в" и собственно деятельность начинает доминировать над паттернами-"п" и преддеятельностью, а осознанная трансформация протоинститутов дополняется элементами сознательного формирования собственно институтов, в том числе, интеграционно-срединных. Таким образом вместе с унобрами качественно усложняется и срединность.

Исторической науке известны два основных вида унобров (3.2) – клубне-корнеплодного (3.2.1) и зернового (3.2.2) земледелия и скотоводства. Первые адекватны природно-климатическим условиям приэкваториальных широт. Здесь внесезонное выращивание и уборка съедобных клубней и корней не требует непрерывных коллективных действий общины, сложных орудий и вполне по силам отдельным семьям. По своему материально-вещественному содержанию такой продукт не пригоден для хранения, накопления, не примитивных форм обмена и не адекватен коллективному присвоению. Объектом последнего является территория унобра, прежде всего, земля, участки которой находятся во владении и пользовании отдельных семей (феномен обособленной собственности). Вызываемая демографическим ростом территориальная экспансия не сопровождается углублением специализации и интенсификацией кооперационных связей. Родовые общины сохраняют значительную автономию, как, впрочем, и отдельные семьи внутри общины. Подобный характер родовой организации и ее взаимодействия с окружающей средой не предполагает образование устойчивых племен, а протозападные потенции остаются неразвитыми.

Унобры (3.2.2), соединившие в себе деятельностные паттерны зернового земледелия и скотоводства, оказались эволюционно наиболее перспективными, а их преимущественно специализированные [(3.2.2.1) – преимущественно скотоводческие, (3.2.2.3) – преимущественно земледельческие] и продвинуто интеграционные [(3.2.2.2) – земледельческо-скотоводческие] виды достигают на Востоке в постнеолитическую эпоху уровня племенной организации. Правда, их исторические судьбы не идентичны.

Образование и эволюция унобров (3.2.2.1) связаны с вытеснением периферийных земледельческо-скотоводческих общин в районы, не пригодные для земледелия. Адаптировавшись к новым условиям и развивая специализированное скотоводство, они освоили за два-три тысячелетия засушливые пространства Северной Африки, Аравии, Среднего Востока, а затем – и Северного Причерноморья, Приазовья и Предкавказья. Доместикация коня на рубеже V – IV тыс. до н. э. способствовала евразийской экспансии скотоводческих племен вплоть до северных областей Индии и Китая, а также утверждению номадизма. Племена кочевников смогли достичь только уровня раннегосударственных структур, причем лишь при условии покорения земледельческих племен и тесных связей с существующими цивилизациями⁹.

Исторические пределы эволюции унобров (3.2.2.1) объясняются не столько преимущественно восточным характером их срединной организации, сколько их застывшей переходностью между присваивающим и воспроизводящим хозяйством. Сочетание экстенсивных искусственно-естественного разведения скота и эксплуатации ограниченных ресурсов естественных биоценозов не отвечает стандартам цивилизации. Эволюционно неперспективны и нацеленные на истощение соответствующих естественных ресурсов унобры (3.1) тропических собирателей и (3.2.1) клубне-корнеплодных земледельцев и скотоводов. В современных условиях некомпенсируемое разрушение естественных биоценозов грозит гибелью уже не отдельным унобрам, а всему человечеству. Опыт свидетельствует об исторической императивности создания искусственных биоценозов, максимально приближенных к природным стандартам. Природа имеет собственные "институты", и человек не может их игнорировать в своем институтотворчестве. На мой взгляд, этот принцип совместности и соответствия общественных институтов и природных стандартов имманентен срединности и является императивным.

Постнеолитический прогресс унобров (3.2.2.3) и в особенности (3.2.2.2) в значительной мере опирается на присущий им синтез важнейших неолитических достижений и обретение нового качества эволюционной срединности в ее ключевых измерениях: технологическом (сочетание и взаимодействие деятельностных паттернов земледелия и скотоводства), экономическом (взаимопроникновение опредмечивания и очеловечивания, индивидуально-групповой, индивидуально-коллективной и личной форм присвоения), социальном (укрепление интеграционных начал дифференцирующейся общины), духовном (появление в коллективном духовном "поле" ростков индивидуальности) и институциональном (дополнение доминирующего протоинституционального человеческого поведения первыми элементами институциональной деятельности). Разумеется, в различных регионах планеты указанный прогресс обретает соответствующий особый колорит.

В эпоху энеолита и бронзы на Западе в несредиземноморских областях Европы поступательно развиваются унобры (3.2.2.2.2) неполивного земледелия, в которых господствуют не общинно-коллективные, а парцеллярно-семейные формы ведения хозяйства. Однородность климатических условий и ландшафтов не предполагает сколько-нибудь глубокой специализации расселяющихся общин, а, следовательно, не возникает острой организационно-экономической потребности в надобщинной племенной организации. Эволюционно-революционный скачок происходит в этом регионе только с началом железного века. На Востоке становление племенной организации связано с эволюцией унобров (3.2.2.2.1) поливного земледелия и скотоводства. Об этом речь пойдет в последующих статьях. Здесь же уместны промежуточные выводы.

Представленный ретроспективный очерк полилинейной доцивилизационной универсумной эволюции (схематично она обозначена на рисунке),

⁹ См.: Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації. – С. 247–248.

во-первых, убеждает в её наследуемости, преемственности и кумулятивности. Актуализированный потенциал исторически более ранних унобров (даже погибших, а не только стагнировавших в гомеостазе с природой) не исчезает, а "снимается", синтезируется позднейшими унобрами, образуя их элементы или подсистемы. К примеру, паттерны-"п", с одной стороны, продолжают сосуществовать с паттернами-"в", а с другой – ассимилируются последними, соответствующим образом трансформируясь.

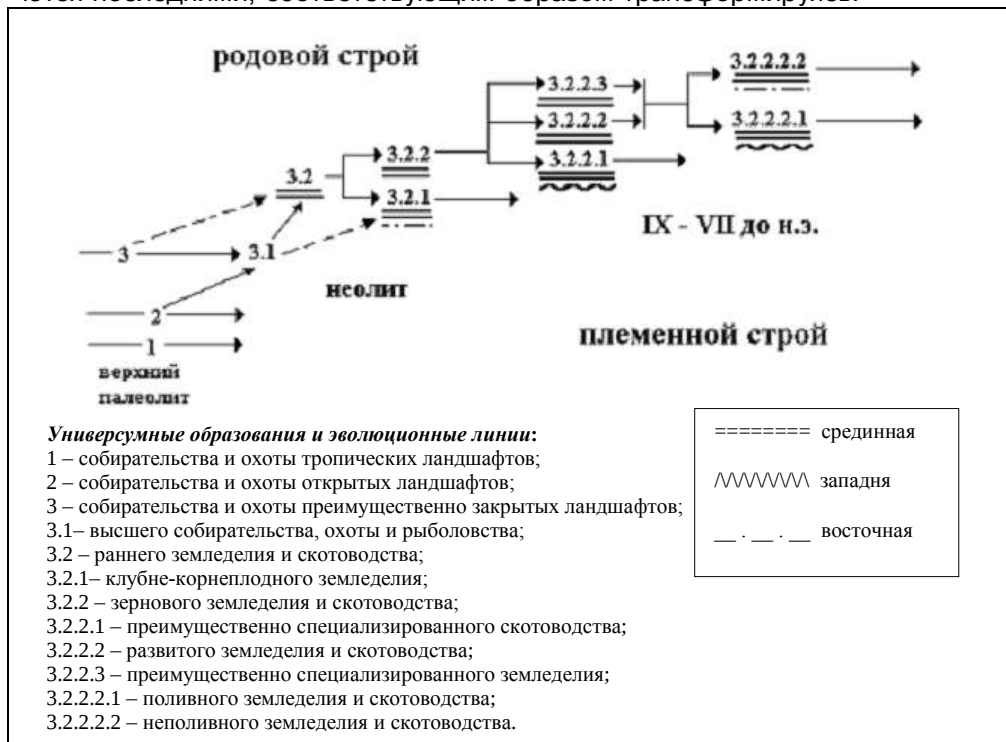

Рисунок. Схема полилинейности доцивилизационной эволюции универсальных образований

Во-вторых, генетически исходными являются не сугубо восточная или западная эволюционные линии, а срединная, которая упорядочивается интеграционными протоинститутами и собственно институтами. Протоинституциональная универсумика по своему содержанию интеграционно-срединна а не окраинно-инверсионна. В различных природно-климатических условиях унобры, с одной стороны, укрепляли свою срединную субстанциональность, а с другой – соответствующим образом мутировали, вырабатывая преимущественно протозападные или протовостоочные общественные формы. В общем случае взаимное усложнение во взаимодействии срединной, восточной и западной эволюционных линий является важным признаком универсального прогресса.

В-третьих, в рассматриваемом периоде именно природные стандарты детерминируют общественные институты, а, следовательно, и базовые характеристики унобров как целостностей. Природные стандарты являются ведущими и доминирующими, а институты – ведомыми и зависимыми. Но в унобрах воспроизводящего хозяйства человек, создавая первые искусственные биоценозы и собственно институты, получает начальный опыт неподчинения природным стандартам, до поры до времени безнаказанного нарушения принципа соответствия общественных институтов и природных стандартов. Человеку пока не удалось подчинить последние первым. Но шаг в этом направлении он уже сделал.